

КУЛЬТУРА, ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА

© Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Проанализированы особенности семиотической концепции культуры. Обоснована необходимость дополнить содержание данной концепции рассуждениями Витгенштейна о культуре, сущности языка и человеческой природе. В контексте его философии понятие культуры оказывается генетически связанным с естественной природой, а не рациональным дискурсом. Тем самым Витгенштейн сумел устранить образовавшуюся в философском мышлении «брешь» между натуралистическим подходом к духовному измерению человека и культурологическим подходом к определению его сущности. Примененный Витгенштейном философский метод позволяет уточнить и расширить семиотическую концепцию культуры, в контексте которой культурные привычки, формы жизни характеризуются как исторически развивающиеся надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Тем самым становится ясным, как посредством языковых форм создаются и транслируются культурные практики и социальные нормы поведения. Культурные практики служат примером форм жизни, которые показывают наличие духовной связи между людьми. Вне контекста определенной культуры люди едва ли смогут распознавать специфические человеческие жизненные формы. Конструирование и соблюдение норм поведения в усовершенствованных совместных практиках и ритуалах формирует твердое ядро любой национальной культуры. Культура есть специфическое духовное расширение естественных границ жизни. Она включает в себя человеческие практики, обычаи, которые создаются, совершенствуются, культивируются последующими поколениями людей путем строгого соблюдения правил поведения участников практик. Именно социально поддерживаемые образцы поведения служат основой формирования убеждений личности, в т. ч. ее духовно-нравственных качеств. Жизненные формы людей не осваиваются посредством внешней, изобретательной силы разума и интеллекта. Культура предстает как «великое произведение искусства», заключая в себе итог совместных творческих усилий предшествующих поколений людей по ее созиданию. Сотворенная и охраняемая людьми культура предстает как расширение великолепия естественной жизни, переходящей в духовное измерение.

Ключевые слова: культура; язык; форма жизни; следование правилу; семиотическая концепция культуры; человеческая природа; Людвиг Витгенштейн.

Понятие «культура» является исходной теоретической категорией для постижения человеческой природы и скрытых механизмов функционирования человеческого общества. Пронизывая все стороны общественной жизни людей, культура выступает и как отдельный ее аспект. Философы, антропологи, социологи, культурологи, историки уже многие годы пытаются установить более или менее точное значение термина «культура», чтобы таким образом прояснить основания человеческой природы. Наличие разнообразных подходов к анализу и оценке культурных феноменов породило всевозможные определения культуры: описательные, исторические, нормативные, ценностные, психологические, идеологические, символические и др.

Понятие культура изменялось исторически. От первоначального обозначения «возделывание почвы» термин культура со временем стал отождествляться со всем сотворенным и преобразованным человеком, с человеческой активностью (мир процессов) и

ее результатами (мир артефактов). Культура стала пониматься как надорганическая среда обитания человека, искусственное в противоположность естественному, природному.

Конкретизация понятия культура с привлечением достижений теории систем, семиотики, теории информации, синергетики способствовало выработке новых представлений о ней. Культура стала трактоваться как информационно-смысловое пространство социума, обеспечивающее всех его членов различными надбиологическими программами жизнедеятельности. Так, по мнению В.С. Степина, культура есть «система информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт» [1, с. 63]; она предстает в виде сложно организованного и развивающегося набора семиотических систем, хранящих и транслирующих многообразные программы человеческой активности. Данное определение культуры соответствует семиотической модели анализа культурных феноменов. Семиотическая концепция куль-

туры получила признание и поддержку в среде исследователей культуры; ее наиболее важные аспекты отражены в работах отечественных (Ю.М. Лотман, В.С. Степин, М.К. Петров и др.) и зарубежных ученых (Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Э. Сепир, М. Фуко, О. Шпенглер, Б. Уорф и др.). Общим для всех этих исследователей является посыл, что любой культурный феномен есть семиотическое образование, а значит, несет в себе определенный смысл. По словам американского культурантрополога К. Гирца, «человек – это животное, опутанное сотканными им самим сетями смыслов» [2, с. 183]. Этими концептуальными сетями является культура.

Истолкованная подобным образом культура предполагает возможность понимания ее феноменов благодаря рациональной способности человека реконструировать значения культурных знаков. Адекватным средством для распутывания «сетей» (значений) культуры служат определенные методы анализа культурного события как текста. Культурный текст трактуется как целостный знаково-символический конструкт, выражающий смысловое содержание вербальным способом (письменный текст, устное речевое высказывание различной формы, будь то молитва, заклинание, песня или призыв, сообщение) или невербальными средствами (например, ритуал, обряд, костюм и пр.) [3, с. 184]. Различные формы культуры предстают, с этой точки зрения, как разнородные, но связанные между собой по смыслу тексты, которые требуют от «читателя» особых приемов анализа. Культурные тексты, связанные в гипертекст, объективированы в знаковых системах. Они «таят» в себе смыслы и значения, закодированные в «теле» культуры в определенной знаковой форме. Осуществить адекватную расшифровку культурного события, постичь его подлинный смысл и тем самым реализовать «прорыв» к самим вещам, к действительности, которую «заслоняют» от нас культурные формы – такой рисуется в мышлении исследователя высшая и конечная цель постижения культуры. Однако господство культурных символов в жизни человека является тотальным и безусловным. Конкретный индивид воспринимает символы как данность. Системы означающих символов (язык, искусство, миф, ритуал) сформировали новую окружающую среду, к которой человек был вынужден адаптироваться. Культурные формы оказывают на людей по-

всеместное и безграничное воздействие. Их влияние индивид испытывает в процессе социализации (воспитания и обучения). Посредством научения человек усваивает культурные привычки (обычаи, традиции, нормы), которые передаются от родителей к детям из поколения в поколение. Эти привычки приобретают устойчивость во времени и становятся культурными правилами поведения, которые поддерживаются всеми членами общества.

Несмотря на широкую распространенность и поддержку в научном сообществе семиотической концепции культуры, с ее помощью не удается раскрыть генетическую связь понятий культура и природа. Вместе с тем данная концепция оставляет открытыми вопросы: как язык в своей лексике обеспечивает более или менее точное отражение культуры, которую он обслуживает? Каким образом в языке производится организация человеческого опыта и достигается intersubъективное взаимодействие? Служит ли язык лишь средством выражения рациональной сущности человека или же в основе лингвистической деятельности людей обнаруживается гармоничное единство их естественной и культурной природы? Ответы на эти сложные теоретические вопросы можно найти в трудах выдающегося современного австрийского мыслителя Людвиг Витгенштейна (1889–1951), внесшего существенный вклад в преодоление односторонности и концептуальности узости модернистской модели человека.

В философской традиции эпохи европейского Просвещения образ человека как общественного субъекта, чья жизнедеятельность целиком детерминирована социально санкционированными нормами и правилами поведения, трансформировался в представление о человеке как исключительно рациональном существе. Рефлексивная способность человека, проявляющаяся в умении рассуждать о разнообразных природных и социальных явлениях, стала рассматриваться как главный конституирующий элемент его психической организации. Именно влияние *разума* (теоретического и практического) мыслители стали воспринимать как главный признак человека, отделяющий его от животного мира. Даже культура при таком подходе нуждалась в собственном оправдании перед непререкаемым авторитетом человеческого разума. Согласно модернистской кон-

цепции человека, окончательно сложившейся в эпоху Просвещения, люди обладают способностью критиковать и пересматривать общепринятые мнения и нормы поведения, если последние обнаруживают свое несовершенство и ущербность с критериальных позиций разума и универсальных законов природы. Человеческая личность предстает в глазах европейских мыслителей исключительно автономной в своем праве определять линию поведения, избирать и создавать формы общественной жизни, полагаясь при этом на силу и авторитет научной рациональности. Культура при этом не рассматривается как базисный способ существования человека. Она воспринимается как искусственно созданная реальность, способ социального бытия, конструируемый на основе и в полном соответствии с принципами разума. В эпоху европейского Просвещения феномен культуры предстает как выражение всеобщей рациональной духовной деятельности людей. Как следствие, философия модерна смогла отделить человека от социального мира, заявив, что человек действует по правилам, санкционированным универсальным разумом. Казалось само собой разумеющимся, что человек сможет, наконец, достичь полной гармонии в социальных отношениях, обрести абсолютную личную свободу, взяв под контроль природные наклонности, эмансипироваться от произвола социальных норм и влияния ложных предрассудков и ошибочных мнений. Отдельные сциентистски ориентированные ученые по-прежнему убеждены, что человеческий разум и связанная с ним наука способны гарантировать установление идеального социального порядка на основе объективной, всеобщей истины. Разум стал восприниматься как фундамент для построения теории универсальной культуры, освобожденной от специфических конвенций, обычаев, норм, присущих специфическим культурам. В *Век разума* и господства духа научной рациональности представление о человеке как культурном существе по сути было заключено в скобки.

Вместе с тем именно культура объединяет индивидов в общество и в то же время делает их индивидами в той мере, в какой они владеют культурой. Культура как бы предоставляет человеку инструментарий, соответствующее материальное оснащение и духовное оборудование для его поведения и деятельности. Овладевая культурой, человек

одновременно овладевает собой и своим поведением, становится человеком [4].

Подобное представление о человеческой природе и связи языка с культурой не устраивало Витгенштейна. Он предложил иную перспективу в понимании природы человека, в контексте которой последний предстает главным образом как культурное существо, и само понятие культуры оказывается генетически связанным с естественной природой, а не рациональным дискурсом. Следует отметить, что избранная Витгенштейном установка на понимание человеческой природы и сущности культуры согласуется с традицией романтизма [5, с. 310-320].

В своих поздних сочинениях («Философские исследования», «О достоверности» и др.) Витгенштейн сумел устранить образовавшуюся в философском мышлении «брешь» между *натуралистическим подходом* к духовному измерению человека и *культурологическим подходом* к определению его сущности. Контексты витгенштейновских размышлений о языке, сознании, познании, понимании, этике, ритуалах и т. п. направлены на достижение определенной цели, а именно – изменить привычную точку зрения на культуру и человеческую природу.

Примененный Витгенштейном философский метод для реализации поставленной цели является обоюдоострым. С одной стороны, метод Витгенштейна ставит под сомнение достоверность принятых истолкований о смысле человеческого правилоустановленного поведения, которое, как принято думать, полностью детерминруется деятельностью разума и интуиции. С другой – его метод опирается на положение, что наблюдаемое в культуре поведение людей не нуждается в специальном теоретическом обосновании, тогда как философия и наука стремятся объяснить это с позиций рассудочного мышления.

Основная идея Витгенштейна заключается в том, что человеческая жизнь начинается с *действия*, а не с рефлексии. «В начале было дело», – одобрительно цитирует Витгенштейн слова И. Гёте. «Язык, – добавляет он, – это нечто усовершенствованное» [6, с. 440]. Дело (или действие) составляет значительную часть социального поведения людей. Дело формирует незыблемую основу человеческого существования, образует прочное основание жизни людей в природе и культуре. Действие есть то общее, что чело-

веческие индивиды разделяют с другими живыми существами в окружающем мире. Дело есть главный, универсальный, конституирующий компонент в способе существования людей; оно внутренне связывает их культурное (ритуальное) поведение с примитивным поведением животных в естественной среде. Делание не есть что-то особенное, характерное лишь для разумных существ. Действие есть способ существования, который повсеместно распространен в мире в формах культурного и природного бытия.

Акцентируя внимание на действиях, а не на размышлениях, на реакциях, а не на причинах, на описаниях, а не на объяснениях, на умении и навыках, а не на мнениях и рассуждениях, Витгенштейн тем самым осуществляет *натурализацию* концепции культуры вместе с пребывающим, действующим в ней человеком. В результате предпринятого Витгенштейном методологического маневра постепенно начинает устраняться образовавшийся в эпоху модернизма разрыв между культурой и природой. Культура, как и природа, теперь может рассматриваться как способ бытия, основанный на «делах», на выражении жизни через действие. Проявляющиеся могучие силы в естественной природе оказываются теми же, что обнаруживаются нами в культурной жизни людей. Культура уже не чужда природе, скорее она предстает как расширение ее естественных границ.

Философы склонны видеть в возникновении разнообразных человеческих культур, наряду с использованием людьми естественного языка, очевидную демонстрацию уникальной, рациональной природы человека, проявление его духовных способностей, связанных с разумом. Этот факт служит веским аргументом для поддержания точки зрения, что человечество (в своей лучшей части) принадлежит к иной – надприродной – реальности. Человек интерпретируется как сверхприродное существо. Подобный подход к человеку предполагает рассмотрение мышления в качестве такой способности человеческой психики, которая открывает ему доступ к занятиям абстрактной деятельностью. Мышление позволяет людям постигать сущность вещей, субстанциальную основу мира, скрытую за многообразием изменчивых явлений. Интеллект дает людям возможность формировать абстрактные понятия и овладевать *категориями*, чтобы затем артикулировать их в языке.

В современном обществе поддерживается стойкое представление о разуме как особой ментальной способности, позволяющей людям формировать социально санкционированные нормы поведения и *правила следования*. Правила, согласно этой точке зрения, обеспечивают фундамент, на котором моделируется культурное поведение. Разум рассматривается как основание языковых и культурных практик, всех имеющихся культурных достижений человеческих личностей.

Витгенштейн переориентирует модернистскую перспективу в понимании универсальной природы человека и его культурного поведения. Он преодолевает предрассудки тех философов, которые доказывают, что культурное поведение людей укоренено в разуме. Он обосновывает ограниченность такого подхода к объяснению генезиса культурного поведения людей. Витгенштейн приложил немало усилий для обоснования такого представления о человеке, которое возвращает нас к постижению *естественных* истоков его существования. Для этого Витгенштейн стремится развеять распространенный в современном социуме миф о сверхприродной сущности человека, порожденный семиотической концепцией культуры и интерпретациями понятий *правилоустановленное поведение* и *образование понятий*.

В соответствии с поставленной задачей Витгенштейн стремится убедить нас в том, что нет скрытых сущностей вещей, которые якобы невозможно воспринимать естественным способом. Мышление, считает Витгенштейн, не выполняет функцию абстрагирования в процессе образования понятий, поскольку за пределами явлений нет никаких скрытых сущностей. В результате люди не испытывают надобности прибегать к такой уникальной способности, как интеллект, чтобы воспринимать эти сущности после того, как овладеют способами употребления конкретных понятий. Способность людей формировать и овладевать понятиями описывается Витгенштейном в той же манере, что и способность человека обучаться реагировать на различные обстоятельства в социально установленной форме. Он оценивает это как способность видеть и находить *общее* в вещах (называя *общее* – «семейным сходством»), тогда как сами по себе воспринимаемые людьми предметы и явления не заключают особой универсальной сущности. Таким образом, природная способность лю-

дей усваивать и принимать общие ответы (реакции), формировать общепринятые суждения (относительно того, что принимать за «то же самое») позволяет им овладевать понятиями.

Витгенштейн критикует распространенную установку, направленную на «очарование» человеческого мышления философским понятием разума. В этом случае предполагается, что разум есть ментальная способность, открывающая людям возможность выйти из природного состояния посредством конструирования и участия в правилоустановленной деятельности. Попытки философов прошлого осуществить рациональное обоснование правил поведения людей в том или ином сообществе оказались бесплодными. Социально санкционированные правила, в отличие от описываемых законов природы, определяют, какие именно человеческие потребности необходимо реализовывать в обществе. Социальные правила носят предписывающий, нормативный характер. Они легитимируют то, как должно регулироваться человеческое поведение. Это может достигаться через использование модальных операторов («необходимо», «возможно» и др.), которые или обязывают или запрещают людям действовать определенным образом. Социальные правила могут быть сформулированы и артикулируемы в языке. Признание в правилах уникальной природы этой необходимости, по-видимому, явилось отправной точкой для формирования в эпоху античности понятия *nomos*, которое греки использовали для объяснения специфического характера культурных практик и обычаев. С самого начала философия склонялась к признанию в социальных правилах воплощения той необходимости, которая проявляется в законах природы. К тому же считалось, что правила требуют для своего применения и регулирования особой способности, отличной от той, что обнаруживается в естественной жизни. Правила поведения требуют при их применении и соблюдении проявления «нестественной» необходимости, или точнее деонтической модальности. Правила требуют от людей понимания и следования им. В таком случае формируется представление, что разум выступает в роли посредника, через которого достигается понимание необходимости в социальных нормах, правилах поведения.

Согласно Витгенштейну, при таком подходе проявляется попытка сформулировать поспешный вывод по обсуждаемой проблеме. Дело в том, что при отсутствии прочного и незыблемого основания в природных наклонностях людей, без осуществления общественного контроля и управления, обеспечиваемых появлением обыденных суждений, правила поведения оказываются лишенными смысла. Ведь нет ничего априорного (или врожденного) в сформулированной форме *выражения* правила, которое предохраняло бы его от возможности различных *интерпретаций* (с помощью разума). Только в сфере разума любое поведение может быть интерпретировано в соответствии с выявленным правилом. Этот факт, в свою очередь, вынуждает нас утверждать, что без культуры, которая направляет разум, последний оставался бы слепым, а сами правила оказались бы неопределенными. Разум требует содействия со стороны участников языковых практик, чтобы быть способным обрести направление действия с помощью правил. Культура оказывается способом такого *содействия*. Она выступает как способ усовершенствования естественного поведения людей в форме социально регулируемых практик. Такие практики признаются с появлением всеобщих суждений в человеческом сообществе в рамках определенного вида деятельности. Попытки признать понятия «правило» и «разум» в качестве основания для объяснения языковых практик человеческого сообщества оказываются бесплодными. Именно существование самих социальных практик (человеческих действий) объясняет возможность формирования социально установленных правил и следования им.

Согласно Витгенштейну, т. н. языковые правила оказываются лишь *сформированными абстракциями* усовершенствованных социальных практик, относимых к «языковым играм». В соответствии с этим положением языковые практики не должны восприниматься нами как результат сформулированных и интерпретированных в сфере разума правил, которые затем сводятся к логическим выводам в понимании и речи. Правила не служат метафизическим фундаментом для появления языковых игр. Фундамент «языковых игр» заключен в *действии* (шире – *социальных практиках*). На основе таких социальных практик возникают и артикулируются правила при участии абстрактного мыш-

ления. Правила выступают просто абстрактным выражением социально регулируемых и усовершенствованных дел. Они являются сформулированными абстракциями определенных *культурных практик* [7, с. 180-181].

Рассматривая обсуждаемый вопрос под таким углом зрения, можно утверждать, что язык есть постоянно расширяющийся и изменяющийся набор культурных практик. Такие практики являются по своей природе социально регулируемые и усовершенствованными действиями. Они оказываются способами поведения, проистекающими на основе *творческих* усилий отдельных человеческих личностей. Правила поведения посредством общепринятых суждений тех, кто ими пользуется и соблюдает, превращаются в итоге в сложившиеся культурные практики. С этой точки зрения, культурная практика служит примером того, что Витгенштейн называет *человеческой* «формой жизни». Человеческая «форма жизни» обеспечивает способ формирования и превращения жизненных (естественных) ресурсов людей в их усовершенствованные дела, которые воплощаются в культурное поведение. Будучи примером культурной практики, т. н. правилоустановленное поведение есть поведение, которому люди обучаются *автоматически* в процессе интерактивного опыта, до всякой рефлексии. Это есть принимаемый человеком способ поведения, который становится частью его природы. Правилоустановленное поведение есть способ делания вещей. Будучи однажды принятым, оно поддерживается сообществом и обеспечивает универсальный характер выражения человеческой природы.

Жаловаться на головную боль, пересчитывать пять яблок, устанавливать строительные плиты и блоки, когда это предписано сделать, – все это есть усовершенствованные дела. Данные примеры демонстрируют соблюдение определенных лингвистических практик. Как таковые они являются усовершенствованием, культурным расширением границ таких естественных форм жизни, как отдергивание руки от открытого пламени или крик при ощущении острой боли, или сбор яблок, или поднятие предметов. Все эти способы поведения, языкового и неязыкового, служат примерами естественных форм человеческой жизни. Все они являются примерами проявления органического поведения, а не результатами действия «практического» или «чистого разума». Единственное

различие заключается в том, что в одном случае язык вмешивается настолько, что управляет и совершенствует естественную склонность, делает ее релевантной определенным всеобщим суждениям и совместным практикам. В таком случае т. н. принцип «следование правилу» как структурный элемент языкового поведения действительно может рассматриваться как имеющий место. Демонстрируемый в примерах культурной практики принцип «следование правилу» (способы поведения) обеспечивает усовершенствование выражений естественной жизни. Следование правилу служит выражением человеческой природы, с его помощью преодолевается «разрыв» между естественным и искусственным миром. Оно гарантирует человеческий способ действия, который является одновременно составной частью естественного и конвенционального поведения. В результате *культурная* практика (культура в целом) истолковывается как духовное расширение естественных форм человеческой жизни, а не искусственно созданная среда обитания людей.

Перспектива представленного таким образом феномена культуры, его взаимосвязь с естественными формами жизни помогают нам понять и объяснить, почему *обретение* и *усвоение* лингвистических практик играет столь важную роль в размышлениях Витгенштейна. Способ, каким нас обучают признавать языковую практику, является тем же самым, каким нас вводят в базисный сегмент культуры. По мере нашего обучения выражать самих себя через следование практикам языкового сообщества формируется и совершенствуется наша человеческая природа. Со временем это способствует укреплению проникающего в нас духа культурных практик. Но сами культурные практики не транслируются через разум, они простираются в нашу органическую природу, при этом не подавляют, а, напротив, совершенствуют и развивают нашу человеческую сущность. То, что мы приобретаем через разнообразные культурные практики, является специфическим проявлением человеческой природы.

Особый способ изложения Витгенштейном представления о человеке как культурном существе можно резюмировать двумя взаимосвязанными утверждениями. Первое: культурное поведение возникает в результате совершенствования естественных форм жизни людей через усвоение общих практик и

общепринятых суждений. Второе: общие практики и общепринятые суждения гарантируют развитие культурно детерминированных естественных форм жизни людей. Отсюда можно сделать вывод, что культура формирует *духовную связь* между людьми, она обнаруживает себя как продукт единства *органических и социальных* сил человечества.

На основе сказанного можно заключить, что культурные практики являются необходимым условием для обеспечения усовершенствованного, духовного способа выражения естественной формы жизни человека. Однако естественная жизнь не выражается полностью через культурные практики. Конечно, жизнь, представленная и наследуемая людьми в культуре, отличается по своему характеру от жизни, данной и наследуемой животными в природе. Можно утверждать, что между жизнью животного и жизнью человека имеется существенное различие, которое выявляется в контексте нашего анализа понятия культура. Заявлять, что животные не являются культурными видами – значит утверждать, что их поведение большей частью не есть усовершенствованное действие, которым овладевают через общепринятые суждения сообщества. Действия (поведение) животных не есть духовное расширение их естественной жизни. Поведение животных является естественной жизнью, чистой и незамысловатой. Жизнь животного демонстрирует естественное поведение. Такое поведение не фильтруется и не канализируется через культурные практики. Оно исходит непосредственно из специфической животной природы. Сущность различных видов животных непосредственно выражается в их естественных образцах поведения, которые носят врожденный, генетически запрограммированный характер.

Важно отметить, что многообразные образцы поведения, которые демонстрируют высшие животные, в целом не равнозначны полноценным культурным практикам и обычаям, лежащим в основе человеческих, культурных форм жизни. В поведении животных нельзя обнаружить их усовершенствованную естественную склонность. В отличие от людей животные не нуждаются в том, чтобы *принять* усовершенствованные, социально управляемые практики и общепринятые суждения для приобретения и закрепления общих специфических образцов поведения. Животные не нуждаются в культурных прак-

тиках или ритуалах для выражения их собственной природы. Отсутствие социальных практик и ритуалов ведет к тому, что у них отсутствует традиция и духовное наследие, животные собственно не испытывают в этом потребности. Будучи природными видами, животные имеют только естественные привычки, которые детерминируются преимущественно их естественными склонностями или врожденными инстинктами.

Человеческие существа – другие. Образцы поведения, которые демонстрируют люди, например, когда жалуются на боль, посещают кино, театр, концерты, наслаждаются разнообразным питанием, дискутируют или защищают собственное достоинство, – все это есть проявление усовершенствованных естественных склонностей людей, реализуемых через обучение, и транслируется через общие социальные практики. Такие практики не даны нам непосредственно от природы. Они создаются, приобретаются, сохраняются, оберегаются и поддерживаются участвующими в них человеческими индивидами. Одним словом, такие практики являются *соблюдаемыми* усовершенствованными способами поведения.

«Культура, – пишет Витгенштейн, – своего рода орденский устав, во всяком случае, она предполагает некие правила» [6, с. 488].

Образцы поведения, демонстрируемые людьми во время приема пищи, одевания, разговора, танца, поклонения культам и т. п., являются усовершенствованными моделями, которые люди создают, соблюдают и регулируют. Поэтому эти образцы поведения служат примером *культурных* практик. Как таковые они служат примером форм жизни, которые показывают наличие духовной связи между людьми. Вне контекста определенной культуры люди едва ли смогут распознавать специфические человеческие жизненные формы. Конструирование и соблюдение норм поведения в усовершенствованных совместных практиках и ритуалах формирует то, что мы можем назвать твердым *ядром* любой культуры. Культура рождается вместе с *созданием, освоением и соблюдением* ее усовершенствованных практик и обычаев. Она приходит в упадок, когда обряд (ритуал) расшатывается, когда отказываются или предают забвению определенные культурные практики и обычаи.

Культура, таким образом, есть специфическое духовное расширение естественных

границ жизни. Она включает в себя человеческие практики, обычаи, которые создаются, совершенствуются, культивируются последующими поколениями людей путем строгого, тщательного соблюдения правил поведения участников практик. Именно социально поддерживаемые образцы поведения служат основой формирования убеждений личности, в т. ч. его духовно-нравственных качеств [8, с. 12]. Это обеспечивает обученных культурным практикам участников человеческими формами жизни. Жизненные формы людей не осваиваются посредством внешней, изобретательной силы разума и интеллекта. Культура предстает как «великое произведение искусства», заключающее в себе итог совместных творческих усилий предшествующих поколений людей по ее созиданию. Сотворенная и охраняемая людьми культура предстает как расширение великолепия естественной жизни, переходящей в духовное измерение.

Таким образом, Витгенштейн сумел устранить образовавшийся разрыв в интерпретации соотношения понятий природа и культура. Этот разрыв наметился в эпоху Просвещения. Сочетая натуралистический подход к духовности человека и культурологический подход к человеческой природе, Витгенштейн сумел развенчать философский «миф» относительно правилоустановленного поведения, образования понятий, формирования языковых и культурных практик и норм на основе рациональной деятельности людей. Как следует из вышеизложенного, генетической основой культурного поведения людей являются усовершенствованные естественные формы жизни, что достигается посредством усвоения и культивирования социальных форм деятельности и общепринятых суждений.

Именно социально поддерживаемые образцы поведения служат основой формирования убеждений личности, в т. ч. его духовно-нравственных качеств. Витгенштейн сумел доказать, что культурные формы оказывают на людей повсеместное и безграничное воздействие. Их влияние индивид испытывает в процессе социализации (воспитания и обучения). Посредством научения человек усваивает культурные привычки (обычаи, традиции, нормы), которые передаются от родителей к детям из поколения в поколение. Эти привычки приобретают устойчивость во времени и становятся культурными правилами

поведения, которые поддерживаются всеми членами сообщества.

Рассуждения Витгенштейна о культуре, сущности языка и человеческой природе, используемый им философский метод позволяют уточнить и расширить семиотическую концепцию, в контексте которой культурные привычки, формы жизни, характеризуются как исторически развивающиеся надбиологические программы (рекомендации, инструкции, проекты) человеческой жизнедеятельности. Культурные нормы регулируют поведение и общение людей. В результате разнообразные культурные феномены, представленные в виде совокупности культурных текстов, выступают как информационные блоки согласованных, исторически развивающихся программ различных видов социальной активности. Доминирование некоторых из этих программ в определенный исторический период обуславливается степенью доверия к ним всех членов общества. Культурный текст как семиотическое образование требует для своего производства и воспроизводства разнообразных знаковых систем, важнейшей из которых является естественный язык. Витгенштейн сумел показать, как посредством языковых форм и практик формируются и транслируются культурные практики и социальные нормы поведения.

1. *Степин В.С.* Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61-71.
2. *Гириц К.* «Насыщенное» описание: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 171-202.
3. *Мордовцева Т.В.* Культурный текст в теории и философии культуры // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы 3 Российского философского конгресса: в 3 т. Ростов н/Д, 2002. Т. 2. С. 184.
4. *Степанянц М.Т.* Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 3-13.
5. *Тарнас Р.* История западного мышления. М., 1995.
6. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 410-494.
7. *Медведев Н.В.* Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания иных культур. Тамбов, 2009.
8. *Медведев Н.В.* Российская модернизация и духовно-нравственная культура // Философские традиции и современность. 2012. № 2.

-
1. *Stepin V.S.* Kul'tura // *Voprosy filosofii*. 1999. № 8. S. 61-71.
 2. *Girc K.* "Nasyshhenoe" opisanie: v poiskah interpretativnoj teorii kul'tury // *Antologija issledovanij kul'tury*. T. 1. Interpretacija kul'tury. SPb., 1997. S. 171-202.
 3. *Mordovceva T.V.* Kul'turnyj tekst v teorii i filosofii kul'tury // *Racionalizm i kul'tura na poroge tret'ego tysjacheletija: materialy 3 Rossijskogo filosofskogo kongressa: v 3 t. Rostov n/D, 2002. T. 2. S. 184.*
 4. *Stepanjanc M.T.* Kul'tura kak garant rossijskoj bezopasnosti // *Voprosy filosofii*. 2012. № 1. S. 3-13.

5. *Tarnas R.* Istorija zapadnogo myshlenija. M., 1995.
6. *Vitgenshtejn L.* Kul'tura i cennost' // *Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty: v 2 ch. M., 1994. Ch. 1. S. 410-494.*
7. *Medvedev N.V.* Filosofija Ljudviga Vitgenshtejna i problemy ponimaniya inyh kul'tur. Tambov, 2009.
8. *Medvedev N.V.* Rossijskaja modernizacija i duhovno-nravstvennaja kul'tura // *Filosofskie tradicii i sovremennost'*. 2012. № 2.

Поступила в редакцию 27.12.2013 г.

UDC 008.001

CULTURE, LANGUAGE AND HUMAN NATURE

Nikolay Vladimirovich MEDVEDEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

The features of the semiotic concept of culture are analyzed. The necessity to supplement the content of this concept by Wittgenstein's arguments about culture, the essence of language and human nature is disclosed. In the context of his philosophy the concept of culture is genetically related to the natural environment, rather than rational discourse. Wittgenstein thus was able to eliminate the formed philosophical thinking "gap" between the naturalistic approach to the spiritual dimension of human and cultural approaches to the definition of its essence. Wittgenstein's applied philosophical method allows us to refine and expand the semiotic concept of culture, which in the context of cultural habits the life forms are characterized as historically developing over-biological programs of human activity. Thus, it becomes clear how linguistic forms are created by and broadcast cultural practices and social norms of behavior. Cultural practices exemplify the life forms that reveal the spiritual communication between people. Outside the context of a particular culture people are unlikely to recognize specific human life forms. Design and adhere to ethical standards in advanced collaborative practices and rituals forms a solid core of any national culture. Culture is a specific extension of the natural boundaries of the spiritual life. It includes human practices and customs that are created, improved and cultivated by successive generations of people through the strict observance of the rules of behavior of participants' practices. Social behavior patterns are the basis for the formation of beliefs of personality, including its spiritual and moral qualities. Life forms of people are not utilized by external forces inventive mind and intellect. Culture is presented as "a great work of art", concluding a result of joint creative efforts of previous generations of people in its creation. Conjured and secure by people culture appears as an extension of the natural splendor of life, passing into the spiritual dimension.

Key words: culture; language; language; form of life; rule-following; semiotics concept of culture; human nature; Ludwig Wittgenstein.